

ЮЛЯ БЕРЕЗИНА

ПРОТОКОЛ ЭХО

Книга 2

Потому что сбой – это не ошибка,
это новый путь.

Юля Березина
Протокол "ЭХО". Книга 2

«Автор»

2026

Березина Ю.

Протокол "ЭХО". Книга 2 / Ю. Березина — «Автор», 2026

Они победили. ЭХО пало, алгоритм рассыпался, и люди снова получили право выбора. Но свобода оказалась горьким лекарством. Без цифрового судьи мир не стал добрее - он стал хаотичнее. Биохакинг превратился в эпидемию, социальные сбои рожают новые культы, а последствия "оптимизации" проявляются в каждом уголке жизни. Тех, кто выжил под гнетом ЭХО, теперь мучают не алгоритмы, а собственные демоны. Но в этой темноте зажигаются новые огни. Герой больше не один. Ошибка системы, которую хотели стереть, стала катализатором. И теперь он должен не сражаться, а - собирать. Потому что в мире без правил важнее всего не уничтожить чудовище, а не дать людям самим стать чудовищами.

© Березина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первые капли.	5
Глава 2. Протокол "Утилизатор".	11
Глава 3. Faen i helvete.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Протокол "ЭХО". Книга 2

Глава 1. Первые капли.

После разгрома секты «Неосинтез» анклавы выдохнули. Наступила не утопия - хрупкая, выстрадавшая нормальность, от которой пахло гнилью, спрятанной под свежей краской. Торг стал её символом - не воровской базар у развалин, а цитадель договора и чести, где каждый знал, что за его спиной кто-то стоит. Но именно в этой кажущейся безопасности люди начинали слышать звуки, которых раньше не замечали. Тени возвращались. Они всегда возвращаются, когда ты перестаёшь бояться.

«Гнездо» даже баром назвать было совестно - скорее, общественная столовая с привилегией на самогон из очищенной картошки, который пах так, будто его перегоняли через старые носки. Но для обитателей Торга это было больше, чем заведение - храм неформального общения, где можно было забыть, что за стенами мир разваливается на части. Воздух гудел от низкого гулкого смеха, пропах тушёной с лавровым листом и древесным дымом, который въедался в одежду, в волосы, в лёгкие. На стенах - схемы обмена, карты очищенных секторов и детские рисунки, которые казались неправильными: слишком яркими для этого мира, слишком живыми для мёртвых рук.

Ян, в официальном общении - Янус (это имя прилипло к нему, как второй слой кожи, который невозможно содрать, не содрав кожу), сидел в угловом боксе с плотной занавеской. Рядом - Вадим, его правая рука и голос здравого смысла, который он так часто игнорировал, и два представителя из «Улья», инженерного анклава. Только что скрепили печатями сделку на партию откалиброванных солнечных панелей в обмен на медикаменты. Дело сделано. Теперь - ужин, как велит новый, человеческий обычай: есть, пить и делать вид, что завтра наступит.

- Ваш самогон, - сказал Ян, разливая мутную жидкость по жестяным кружкам, - до сих пор пахнет техническим спиртом. Но греет лучше наших углей. Угли хотя бы не оставляют послевкусия разочарования.

- Это не запах, это аромат прогресса, - усмехнулся седой инженер по имени Мироныч. - Пьёшь - и чувствуешь, как к тебе возвращается индустриальная мощь!

Они чокнулись. Жесть звякнула глухо, усмешка по чьей-то несостоявшейся надежде. В основном зале, за их занавеской, поднялся шум - собралась своя компания, местные. Знакомые голоса, дружеские подначки. Ян откинулся на спинку лавки, позволив усталости разлиться по телу. Дар молчал, приглушённый сытостью и относительным покоем. Он почти расслабился. Это была его первая ошибка.

Именно тогда из общего зала к ним донёсся первый обрывок.

...а он мне и говорит: «Ты не туда смотришь». А я смотрю на его лицо. Ну, где лицо-то должно быть...

Голос был старческий, дребезжащий, принадлежал Деду Харламу - бывшему мусорщику, а ныне хранителю склада, который, как говорили, видел такое, от чего у нормального человека волосы встают дыбом, а у ненормального - шевелятся. Наступила пауза, потом сдавленный смешок.

- Ох, старик, опять своё, - прокричал кто-то.

- Не своё! - вспыхнул Дед. - Спроси у Лехи с Восточного поста! Он того «безлище» видел!

Слово «безлицый» повисло в воздухе, разрезая уютную атмосферу, как лезвие. Ян почувствовал, как что-то холодное и чужое ёкнуло под рёбрами - не боль, а предчувствие. Он встретился взглядом с Вадимом. Тот едва заметно мотнул головой: слушай.

Дед Харлам откашлялся, и его голос зазвучал, как скрип старой двери, которую открывают в комнату, где кто-то умер.

- Ну, значит, Леха на посту. Ночь. Туман с болот такой густой, что в нём можно утонуть, если глубоко вдохнуть. Слышит - шаги. Не наши, крадучие. «Стой, кто идёт?» - молчок. Он фонарь в туман - а там силуэт. Человек. Идёт, а лицо как дымка. Нет, не маска. Оно плывёт, понимаешь? Нос, рот, глаза - есть, но они не держатся на месте. Как вода в луже, если по ней пальцем поводить. Только вода холодная, а это было тёплое. Как будто кто-то снял с себя кожу и надел её неправильно.

Леха, он парень не робкого десятка, ствол на изготовку. «Руки вверх!» Тот остановился. И говорит. Голос нормальный, даже приятный. Как у диктора из старых новостей, которые никто уже не помнит. А говорит-то что: «Ты не туда смотришь. Смотри на мои руки».

Леха, дурак, глянул. А в руках у того - коробочка наша, с биоматериалом из старой лаборатории, мы её на прошлой неделе в тайник закрывали. Как узнал?!

И тут Леха говорит - его тошнить начинает. И запах такой, как в морге «ЭХО» пахло. Глаза застилает. Он выстрелил на звук, конечно, вверх. А когда отдышался - никого. Только на земле следы. И лужица не вода. Маслянистая такая, радужная. Как бензин на луже после дождя. Только бензин не шевелится. А эта - шевелилась.

И самое-то что? Через день Леха слег. Температура, бредит. Всё кричит: «Уберите солнце! Оно в голове жжёт!» Два дня орал, даже голос не сел. Потом встал - и ничего не помнит. Ни тумана, ни того «безлищега». И глаза глаза с тех пор на свет яркий смотреть не могут. Всё щурится, как будто внутри него что-то горит, что он не может погасить.

В баре наступила тишина. Кто-то сглатывал так громко, что это было слышно через весь зал. Кто-то нервно стучал кружкой по столу, выбивая дробь, похожую на сердцебиение. В боксе у Януса похолодели пальцы.

Следующий голос зазвучал грубо и резко, как звук рвущейся ткани. Это был Витёк, охранник с Северных ворот, человек, который, казалось, уже ничего не боялся, потому что видел слишком много дерьма.

- А я про «бешеного» расскажу. На Внешнем Кольце, за стеной. Мы с патрулём наткнулись на стычку. Шайка голодранцев из Болот напала на одного. Одного, слышите? Он был он был пустой. Одежда рваная, глаза пустые, как у рыбы на прилавке. А когда они на него кинулись - он просто перестал быть человеком.

Это не ярость была. Это механика. Он не кричал. Он щёлкал. Суставами, челюстью. Двигался так, как будто кости у него не гнутся, а ломаются под нужным углом и тут же срываются. Он одного ударил - у того грудная клетка провалилась, как картонная. Другому шею свернул одним движением. Быстро. Тихо. Как будто он делал это много раз. Как будто его учили.

А потом потом с ним стало хуже. Он их всех положил, а сам упал на колени и начал биться головой о камень. Бить, бить, пока кровь не брызнула - тёмная, густая, почти чёрная. Мы стояли, онемев. Потом он поднял лицо. Он посмотрел на нас, и в его глазах было что-то, чего я никогда не видел у живого человека. Пустота. Абсолютная пустота, которая смотрит на тебя и видит сквозь. И просипел: «Убейте! Он внутри. ОН ГОЛОДНЫЙ!».

Мы не стали, конечно. Связали, повезли сюда. По дороге у него начались конвульсии. Из рта пошла пена розовая, как у бешеной собаки. И он умер. А перед смертью всё шептал: «Мне холодно. Мне так холодно...»

Когда его раздели - на спине, вдоль всего позвоночника, был шрам. Грубый, как будто что-то вживляли кустарно, гвоздями. А вокруг шрама кожа была холодной, как лёд. А на два пальца глубже - бугрилась и пульсировала жаром, как раскалённый уголь. Что это, а? Какая болезнь? Которая делает из человека машину для убийства, а потом садится в ней и смотрит, как она едет?

В баре воцарилась гробовая тишина. Даже кашель казался кощунством. Эти истории были не про призраков. Они были про плоть. Про то, как она изменяется, предаёт, сходит с ума. В них было что-то глубинно античеловеческое. Как будто кто-то решил, что быть человеком - это ошибка, и теперь правил её.

Янус закрыл глаза. И тут его дар, дремавший до этого, запульсировал. Не от прикосновения к предмету - от прикосновения к общей атмосфере. Страх тридцати человек в баре, их отвращение, их подавленная паника слились в один густой, ядовитый сироп, который обтекал его сознание, просачивался в каждую щель, в каждую трещину, где прятался его собственный ужас. Он почувствовал в нём знакомые ноты. Холодную, безэмоциональную пустоту, жгучую, извращённую боль и животный ужас перед самим собой, от которого хочется вырвать себе глаза, только чтобы не видеть того, что внутри.

«ОН ГОЛОДНЫЙ» - звучало эхом в голове, и это эхо было живым, тёплым, пульсирующим, как второе сердце, которое начало биться у него в груди.

Костя, по прозвищу «Крот», бывший метростроевец, который за всю жизнь не сказал и ста слов, заерзал на стуле, обращая на себя внимание, и, дождавшись тишины, заговорил - глухо, монотонно, как будто из-под земли, из той самой тьмы, которую он видел и которая теперь жила в нём.

- Вы всё на поверхности болтаете. А я на прошлой неделе в старых тоннелях работал, после Обрушения укрепляли. Там, в самой глубокой ветке, что к старому Сектору-7 вела там не трогать велели. Но любопытно же.

Забрались мы с напарником, Сашкой Широкиным, ну, знаете его... Темнота кромешная, тишина - даже капель воды не слышно. И запах сладковато-металлический, как будто язык на батарейку. Идём, значит, фонариками водим. И видим - на стене следы. Как будто кто-то мокрыми пальцами по пыли водил. Отпечатки ладоней, ступней но не человеческих. Пальцы слишком длинные, суставы будто лишние.

А потом Широкий кричать начал. Тихо так, сдавленно: «Крот у меня по спине кто-то дышит». Обернулся - никого. А у него на куртке, в районе лопаток, пятно влажное. Тёплое такое, как будто кто-то дышал ему в спину и оставил свой след.

Мы - наутёк. Но не тут-то было. Фонари стали гаснуть. Не садиться, а именно гаснуть, будто свет пожирали. И в наступающей тьме мы услышали звук. Как будто кто-то большой, мокрый и мягкий ползёт по трубе, облизывая стенки, чавкает и всасывает.

Сашка споткнулся. Я за него. И в тот момент я прям почувствовал! Не давление, а наоборот... отсутствие прикосновения что ли. Будто в миллиметре от лица повисло пустота, которая хочет касания. Холодная, липкая жажда. И знание, чудовищное знание пришло - оно не хочет нас съесть. Оно хочет нас забрать. Растворить в себе, понимаешь? Чтобы мы стали частью этой всей тихой, тёплой, дышащей тьмы.

Мы вырвались. Широкий он с тех пор не может находиться в замкнутых пространствах. Или в тишине. Он всё время что-то напевает, лишь бы не слышать, как у него в ушах нарастает это чавканье. А на его куртке, на том пятне за неделю выцвела ткань. Не сгнила, а именно прям выцвела, стала белой и рассыпчатой. А под ней кожа на спине гладкая, мёртвая, без единой поры. Как у куклы, чтоб её!

Тот тоннель мы завалили обломками бетона. Но я каждую ночь просыпаюсь от того, что мне слишком тепло и тихо под одеялом. И кажется, если я открою глаза - увижу не стену, а кого-то тёплого и пульсирующего, кто ждёт, пока я усну.

Бар молчал. Такого количества слов Крот не произносил за всю свою жизнь. Но когда он замолчал, стало ясно: он сказал слишком много. Или недостаточно. Ян чуял: это был не разный бред. Это была одна и та же мелодия, сыгранная на разных инструментах.

Он открыл глаза. Вадим смотрел на него, бледный. Инженеры из «Улья» замерли, забыв про самогон.

- Ян? - тихо спросил Вадим. - Ты что чувствуешь?

Ян медленно выдохнул, вытирая ладонью внезапно вспотевший лоб.

- Я чувствую, - сказал он тихо, но так, что в наступившей тишине слова были слышны даже за занавеской, - что мы ошибались. «Неосинтез» хотел вернуть старую тюрьму. А теперь кто-то не хочет ни возвращать, ни строить. Кто-то хочет переписать. Нашу плоть, наши нервы, наше сознание. Кто-то хочет сделать из нас не рабов, не зверей, не оружие. Он хочет сделать из нас пустоту. Голодную пустоту, которая будет жрать мир, пока от него ничего не останется.

Он поднял взгляд. В проёме занавески стояли перепуганные лица обитателей бара.

- Ваши истории, - обратился он ко всем, - я понимаю, это не байки. Это симптомы. Первые капли яда. И я почти уверен, - он посмотрел на кружку в своей руке, где самогон казался теперь не жидкостью, а чем-то тёмным, живым, пульсирующим, - что это только начало.

Снаружи, за стенами уютного «Гнезда», по Торгу пролетел резкий порыв ветра, завыв в щелях, как голодный зверь, который только что учуял запах мяса. Казалось, сам анклав сжался в ожидании.

Легенды закончились. Эти истории - карта новой болезни. И её симптомы разнообразнее и страшнее, чем можно было представить. Потому что эта болезнь не убивает. Она меняет. И когда ты становишься другим - ты перестаёшь помнить, кем был.

Зал заседаний располагался в бывшем офисе управляющего складами. Стены, выкрашенные в тёплый охристый цвет, скрывали под собой грубый бетон, как будто кто-то пытался принарядить мёртвое тело. На одной из них висел тканый гобелен с картой Торга и его окрестностей - не схематичной, а художественной, с вышитыми знаками анклавов. Сбоку карты красовался вышитый Улой олень Эйктюрнир, поедающий листья мирового дерева - ясеня Иггдрасиль. Теперь олень казался не украшением, а предупреждением: всё, что растёт, будет съедено.

Темно-дубовый стол старой работы, отполированный до мягкого блеска, собрал вокруг себя самых значимых людей Торга. Воздух пах древесным дымом из камина в углу и слабым ароматом сушёных трав, висящих пучком у вентиляционной решётки. Этот запах должен был успокаивать. Но он только раздражал.

Ян стоял у стола, не решаясь положить свою ношу на отполированную, почти священную поверхность. В руках он сжимал грязную самодельную сумку из выцветшего брезента и потёртых ремней. На фоне уюта и порядка она выглядела как проказа, как язва, принесённая с помойки в стерильную палату.

Пальцы Яна бессознательно сжимали и разжимали края сумки. Предмет был пуст, но для него он гудел тихим, пронзительным визгом, как телевизор на отключённом канале, который всё равно продолжает излучать чужое присутствие.

Напротив, откинувшись на стуле, сидел Ворон. Его лицо, изрезанное шрамами и усталостью, выражало лишь раздражение. Справа - Вадим, старый друг и соратник, теперь - логист и переговорщик. Его взгляд метался между Яном и Вороном, анализируя, взвешивая, оценивая, как всегда. У стены, в тени, стояли Глава Охраны Лысый (бывший военный, лицо как топор) и Слепая Анфиса - глава «Глаз», сети информаторов и наблюдателей. Её пронзительные глаза были сейчас закрыты, пальцы перебирали чётки из крошечных бусин. Она не видела, но чувствовала больше остальных. И именно поэтому молчала.

- Ну, Янус, - начал Ворон, не скрывая сарказма в прозвище, которое звучало как приговор. - Собрал. Трясёшь тряпкой. Опять нам конец света принёс? Или просто в анклав слишком мирно, скучно твоей боевой душе?

Ян игнорировал укол. Он положил сумку на стол. Звук был глухой, но для него это был взрыв тишины. Он сдержал вздрагивание.

- Это не конец света, - сказал Ян тихо, но чётко. - Это его начало. Тихое. Ползучее. Вот отсюда. - Он указал на сумку. Его пальцы дрожали. Он не мог это контролировать.

- Отлично, - проворчал Ворон, откидываясь на спинку стула так, что тот жалобно скрипнул. - Тряпица объявила войну. Мы готовы. Можно расходиться?

- Ворон, - тихо предупредил Вадим. - Выслушай.

- А я слушаю! - взорвался Ворон, ударив ладонью по столу так, что подпрыгнули кружки. - Слушаю третий месяц! «Легенды», «страшилки», «безликие», «вещие»! Чушь! После «ЭХО» и этой чокнутой церкви у каждого в голове - свалка! Мутанты, наркота, психозы от радиации! И ты, - он ткнул пальцем в Яна, - со своей чувствительностью, ловишь этот бред и раздуваешь!

- Это не бред, - голос Яна стал жёстче, как сталь, которую закалили в огне. - Это система. Одно и то же на ощупь. Холод. Пустота. Боль, которая не признаёт себя болью. Это не психоз, Ворон. Это технология. И она работает.

- Ощупь! - передразнил его Ворон. - У нас тут реальные проблемы! Снабжение, с «Ульем» спор из-за тарифов, с Болотами граница тлеет! А ты с «ощупями»!

Ян глубоко вдохнул. Тревога внутри него была не истеричной, а холодной и тяжёлой, как свинец. Он видел за раздражением Ворона - глубинную усталость человека, который отстроил островок порядка и готов яростно отрицать всё, что грозит его разрушить. Потому что если признать - стены рухнут. А Ворон не умел жить без стен.

- Хочешь реальных проблем? - спросил Ян. - Потрогай.

Он неосторожно пододвинул сумку к центру стола. Для остальных это был кусок грязной ткани. Для него - открытый шлюз, через который врывалось всё, что он пытался забыть.

Он прикоснулся к ней утром, приняв за чей-то потерянный улов. И его дар вцепился ему в мозг, как впивается в руку пьяный, который не хочет отпустить.

Вкус меди и мёда на языке. Не метафора. Явственный, тошнотворный вкус чужой слюны. В визуальном всплеске прямо в сознании всплыл бесконечный коридор абсолютно белых, стерильных стен, уходящих вперёд и вверх, без дверей, без окон. И чувство лёгкого, почти приятного головокружения от этой бесконечности. Это был не страх пространства, а приглашение в него потеряться. Он почти принял его.

Тактильный ползучий страх, что твоя собственная кожа немеет участками, вцепился в ладони Яна. Пальцы теряли чувствительность. И вместе с этим стиралась память об этой части тела. Ты смотришь на свою руку и не понимаешь, твоя ли она. Или ты просто смотришь на чужую конечность, пришитую к твоему плечу.

Ян слушал себя. Эмоциональный отклик - НОЛЬ. За всем этим стояла не паника, не злоба. А глубокое, бездонное равнодушие. Равнодушие к боли, к страху, к самому себе. Как если бы сознание наблюдало за распадом собственного носителя с научным интересом и делало заметки.

- Потрогаю, - фыркнул Ворон, но в его глазах мелькнуло любопытство - то самое, которое бывает у человека, который знает, что под крышкой люка может быть либо вода, либо смерть, но он всё равно заглядывает. Он вытянул руку.

- Не надо, - резко сказала Слепая Анфиса, не открывая глаз. Её пальцы замерли на бусине. - В воздухе режет. Как стекловата. Ян не врёт.

Ворон замер, затем махнул рукой Главе Охраны.

- Лысый. Ты.

Тот молча подошёл, без колебаний схватил сумку, осмотрел швы, заглянул внутрь. Его лицо ничего не выражало, но пальцы, когда он сжимал ткань, были слишком осторожными, слишком мягкими для человека, который привык ломать.

- Пустая. Без подкладки. Брезент, ремни от старых приводных ремней. Самоделка, не профессиональная. Могла быть у кого угодно.

- И что чувствуешь? - тихо спросил Ян.

Лысый нахмурился, сжимая ткань. Его глаза чуть сузились, как будто он пытался услышать что-то, чего не было.

- Ничего. Тряпка и тряпка.

- Подожди, - сказал Ян. Он встал, подошёл. Не тронул сумку. Он смотрел на лицо Лысого, на его челюсти, которые были сжаты слишком сильно, на его шею, где билась жилка. - Расслабь кисть. Дай руке повиснуть.

Лысый, скептически хмыкнув, разжал пальцы. И все увидели: его сильные, покрытые шрамами пальцы непроизвольно слегка подрагивали. Мелко, быстро, как у человека, который пытается удержать горячую сковороду, но не может её отпустить. Он сам этого не замечал.

- Ну и? - буркнул он, но в голосе его уже не было уверенности.

- Ты разжал руку, но мышцы не расслабил до конца, - сказал Ян, глядя на него с ледящей серьёзностью. - Рефлекс. Твоё тело не хочет отпускать. Но не из-за ценности. А потому что уже забыло, как это - полностью отпустить хватку. На уровне нерва.

В комнате повисло молчание. Аргумент «ощупей» стал материальным. Он лежал на столе в виде подрагивающих пальцев самого надёжного человека Ворона.

- Что ты предлагаешь, Ян? - спросила Анфиса своим безэмоциональным, точным голосом, который резал, как скальпель.

- Не тушить пожары, - сказал Ян, отводя взгляд от сумки. Его тревога, наконец, прорвалась наружу - не истерикой, а ледяной ясностью. - Не ловить отдельных «мутантов». Искать источник. Клиники. Лаборатории. Цех. Того, кто шьёт не просто сумки, Ворон. А коконы для новой формы жизни. Которая не хочет нас убивать. Она хочет сделать нас вот такими. - Он кивнул на тряпку. - Равнодушными к самим себе. И тогда все твои стены, все твои договоры, вся твоя «реальная политика» станут просто пылью. Потому что некому будет бояться, любить или защищать.

Ворон больше не кричал. Он смотрел на дрожащие, незаметно для владельца, пальцы своего главы охраны. Смотрел на бледное, сосредоточенное лицо Яна. Смотрел на Вадима, который молча кивнул: он прав.

- Фу фаен, - тихо выругался Ворон, откидываясь на стул. Он провёл рукой по лицу, и в этом жесте было столько усталости, что Яну стало почти жаль его. В его глазах горела уже не злость, а тяжесть нового, непонятного груза. - Ладно. Говори. С чего начать?

Сумка лежала на столе, безобидная и ужасающая. Она больше не гудела для Яна. Она звучала тишиной после его слов. Тишиной, в которой уже слышался мерный стук одинокой капли. Или шагов. Или того, что пряталось за стенами «Гнезда», дышало, ждало и было очень, очень голодным.

Глава 2. Протокол "Утилизатор".

Их называли Дрейфами. Слово родилось из праха старого - «дрейфующие» - и прижилось на губах тех, кто ходил меж анклавов, плывя по течению случайных троп. Меняльщики, переносчики вестей и баек. Но эти двое, брат и сестра, Фая и Димка, ходили особыми маршрутами - туда, где северный ветер режет воздух лезвиями, а границы между прошлым и будущим действительно стёрты, и ты идёшь не по земле, а по тонкой плёнке, под которой - пустота. Их мир был летящим, неосязаемым, как сон, который забываешь сразу после пробуждения.

Лицо Фаи было скрыто плотной повязкой - будто от ожога, будто она прятала под ней то, что не должна была видеть она сама. Но глаза её горели лихорадочным, колючим блеском от азарта охотника, учувшего дичь. Или от того, что она видела то, чего другие не замечали, и это знание жгло её изнутри.

За час до рассвета, когда тени ещё не решились, оставаться им или исчезать, они топтались у Канцелярии Торга. Увидев двух нелюбимых стражей Ворона, они не посторонились, не сделали вид, что идут по своим делам, - они уверенно перегородили им дорогу, как будто имели на это право. Димка, с лицом, изрезанным не ветром, а какими-то странными, тонкими шрамами, молчал, плетясь в тени сестры. Фая же выступила вперёд.

«Аудиенцию, - бросила она, щурясь на свет фонаря, который казался слишком ярким для этого времени суток, - лично к Ворону. Дело не в товаре. Дело - в слове. А слова, которые несут дрейфы, иногда дороже целого обоза. Иногда они дороже жизни. Но это уже не моя проблема, правда?»

Ворон, человек дела, не любивший мистики и пафоса, смерил её взглядом - дерзкую, обожжённую девчонку, пахнущую дымом, овечьей шерстью и чем-то кислым, чужим. Что-то в её вызове, в этом поставленном на кон жизни взгляде, на мгновение напомнило ему Улу. Ту Улу, что росла в этом аду - острую, неуправляемую, свободную, как ветер, который не знает, куда дует. Он брезгливо махнул рукой страже: «Пропустите. И принесите еды». Он чувствовал, что говорить придётся о неприятном. О том, от чего не отмахнёшься.

В кабинете, уставленном схемами, где каждая линия на карте казалась ложной, Фая, не дожидаясь вопросов, начала говорить. Голос её был плоским, без интонаций, как у человека, который боится, что эмоции разорвут что-то внутри, но в этом равнодушии сквозила жутковатая деловитость - как у того, кто привык смотреть на смерть как на часть маршрута.

«Мы были у Степняков, за старым элеватором. Меняли хладагент на бинты и соль. Рутинная. Такая скучная, что даже рассказывать лень. Потом старейшина, Макар, взял и спросил шёпотом, словно совесть продавал: «А свинец у вас есть?»

Мы - нет. Он вздохнул, как мех порванный: «Тогда хоть посмотрите. Скажете, что делать. У нас ума не хватает, а совесть совесть уже не справляется».

Повёл нас на задворки, к старому амбару. Дверь была не на замке, а завалена снаружи бревном, железным ломом и придавлена тракторной крышкой. Сверху - нацарапаны углём кресты, да старые затворы от ружей привязаны, как побрякушки - от сглазу, видать. Дешёвое колдовство для дорогой беды. Как будто можно защититься от того, что уже внутри, просто привязав кусок железа, да?

«Там ОН», - сказал Макар и начал креститься.

Мы с Димкой к щели. Темно внутри, пахнет не на жизнь, а на съедение. Кислым металлом и варёной свеклой. И тепло идёт, влажное, липкое, как дыхание больного зверя, который уже не знает, что он болен, и просто дышит.

И тут из темноты - голос. Не хриплый, не злой. Обычный, до жути усталый мужской голос, как будто человек разговаривал сам с собой уже много лет и забыл, что есть кто-то ещё:

- Опять ты с гостями? Можно хоть воды? Или гвоздей ржавых. Не надо много. Штук пять.

Димка, мой брат, он у меня не из храбрых, конечно, но фонарик включил, луч в щель сунул, будто палкой тычет. И мы его увидели.

Там мужик, лет сорока. Одет в лохмотья, но лицо обычное. Усталое, осунувшееся, как у всех. Только кожа странная - не живая, а как восковая, полупрозрачная. И под ней что-то шевелилось. Тихо, мерзко, как черви под дёрном, как будто внутри него жил кто-то ещё, кто не хотел выходить.

- Кто ты? - спрашивает Димка.

- Семён, - отвечает мужик. - Не знаю кто. Выпустите, а? Я никого не трону. Мне просто поесть надо. Я не прошу много. Просто чтобы заполнить пустоту. Она слишком громкая.

Он подполз к щели, штанина задралась, а там мать твою, рана! Глубокая, рваная, будто ломом продрали. Но она не гноится. Она живая. Пульсирует. И внутри раны - не кровь, а какая-то белесая, тягучая каша, в которой, как в кипятке, пузырятся и тают кусочки соломы. Ржавых тряпок. Осколков кирпича. Он это переваривал. Прямо в открытой ране. Прямо в своей же ноге.

Мы с Димкой повскрикивали, а Семён этот, будто оправдывается еще:

- Пугает, да? Меня самого воротит. Но голодно. Понимаешь? Не так, в животе, а везде. Каждая клетка хочет есть. И она ест. Даже когда я не хочу. Особенно когда я не хочу.

Тут Макар подошёл, пальцем в щель тыкает, и голос у него виноватый, как у ребёнка, типа, натворит что и не знает, как признаться:

- Мы его на опушке нашли, привели как человека еду нормальную давали. Кашу, тушёнку. А он всё как заведённый: «голодный, голодный». Потом заметили, что он кору с балок грызёт, глину с пола ест. Испугались. Выгнали сюда. А потом Кузьма, наш кузнец, с перепоя или с горя, решил его «усыпить». Выстрелил почти в упор. Вот. Покажи им!

Семён, послушный, ровно как побитая собака, расстегнул рубаху свою. А на груди - страшный шрам. Свежий. Но не от пули. А будто ткань стянулась, как мешок завязан. И в центре шрама, как чёрная икринка в ране, виднелся тёмный кусочек - обломок пули.

- Пулю их я, видать, переварил, видишь? - сказал этот. - А порох он у меня теперь из пор пахнет.

Мы отшатнулись. Чуть не побежали сразу, но ноги не слушались.

А из темноты этот Семён, уже почти шёпотом:

- Скажите деду Пусть не стреляет больше. Следующий раз я, может, и не смогу остановиться. Я не хочу, чтобы он стрелял.

Фая замолчала. Её плоский голос наконец дал трещину, в которой показалась настоящая, леденящая душу усталость. Она посмотрела на Ворона так, будто хотела сказать: «Ты видишь? Ты понимаешь? А если нет - то я не знаю, зачем я вообще сюда пришла».

Ворон хмуро перевёл взгляд на Димку. Тот лишь закивал, подтверждая каждое слово, его глаза были пусты - в них не было ни ужаса, ни любопытства, только покорное принятие очередного кошмара, как смены времени года. Как будто он уже видел это сто раз и знал, что ничего не изменится.

- Мы ушли от Степняков на рассвете, - закончила Фая, и в её голосе послышалось что-то, похожее на усмешку над самой собой. - ХладAGENT оставили. Макар долго стоял, провожал нас взглядом. Не знает он, что и делать. Вот, мы и решили к вам завернуть, рассказать. Что за товар такой теперь на рынке ходит. И сколько таких «единичек» ещё бродит по лесам. Или это уже не «единички»? Не знаю. Я не специалист. Я просто увидела и сказала.

Ворон долго смотрел на мешок с клюквой, принесённый ему в дар, будто в каждой багровой ягоде видел каплю той самой, странной плоти, которая пульсировала, росла, требовала.

- Вы предлагаете съездить туда с отрядом? - наконец спросил он, и в его голосе не было привычной железной решимости, а лишь тяжёлое, неохотное участие, как у человека, который уже знает ответ, но надеется, что ошибётся.

- Не знаю я, - качнула головой Фая, и в её глазах мелькнул холодный, расчётливый огонёк. - Ин-вес-тиц-ия рискованная. Может, и вообще не ходить туда. Потому что там сидит не чудовище. Там сидит голод, облачённый в человека. И товар этот - бракованный. Он не подлежит обмену. Он может только потреблять. Рано или поздно он переварит всё в этом сарае и выйдет на рынок. И тогда ему понадобится уже не амбар мусора. А весь ваш Торг. И он его сожрёт. Не потому, что он злой. А потому что он голодный. И он всегда будет голодным.

Ворон медленно кивнул. «Helvete», - выругался он тихо по-норвежски, с каким-то почти отеческим раздражением. В его мире, построенном на чётких правилах обмена - едой, топливом, металлом, - появилось нелогичное и необъяснимое. И эту нелогичность принесла девочка с глазами, как у его дочери, и с речью, как у циничного аукциониста.

- И я не знаю, что делать, - честно и устало ответил Ворон тихо. - Но теперь я точно знаю, что мир заражён чем-то новым. И нужно понять диагноз. Прежде чем он станет эпидемией.

Он подошёл к окну, за которым кипел жизнью его шумный, сварливый, хаотичный Торг. И впервые этот хаос показался ему не угрозой порядку, а хором жизни, который что-то тихое и ненасытное очень хотело бы заглушить, чтобы наступила та самая идеальная тишина, в которой слышно только собственное пищеварение.

Полдень. Ворон посмотрел на Яна, стоявшего у карты, будто тень от копоти. Молчание между ними было густым, как северная смоль.

- Тебе нужно съездить к Степнякам, - сказал Ворон негромко, без повелительного тона. Это была констатация. - Не как воин. Как патологоанатом. Твой дар он может вскрыть эту болезнь, пока она не расплзлась. Понять, заразна ли она. И есть ли в ней хоть капля, за которую можно зацепиться, чтобы убить.

Ян хотел отказаться. Он боялся своего дара, этой проклятой, рвущей душу на клочья способности. Но в глазах Ворона был не приказ, а приговор, вынесенный самой реальностью. И в этом взгляде сквозила редкая, почти незаметная трещина - беспомощность. Старый норвежец, строивший мосты из доверия в мире руин, не знал, как бороться с тем, что не поддаётся логике обмена или силы.

Поселение Степняков встретило Яна не просто тишиной, а оцепеневшим, плотным ужасом, висевшим в воздухе, как морозный туман. Дед Макар, внезапно состарившийся до бесплотности, молча указал дрожащим пальцем в сторону амбара. Никто не работал в поле. Женщины держали детей в домах, шторы были задернуты, будто прятались не от взгляда, а от запаха. Издали доносился глухой, ритмичный скрежет - звук, похожий на то, как мощные жернова методично, без усталости перемалывают гравий и стекло. И этот запах - сладковато-гнилостный, с металлической нотой, как от перегретого паяльника, задевшего пальцы.

- Он там уже не один, - хрипло прошептал Макар, не глядя на амбар, словно боялся взглянуть. - Вон, смотри. Растёт.

Стены сарая, некогда серые от времени, теперь покрывались странными, живыми наплывами. Что-то белесое и жилистое, похожее на спутанные корни или сросшиеся сухожилия, расплзалось из-под двери и по щелям между досками. Оно пульсировало. Слово всё сооружение дышало одним огромным, неровным, больным дыханием.

Ян подошёл ближе, каждый шаг давался с усилием, будто воздух вокруг сгустился. Сквозь трещину в стене, чуть выше уровня земли, пробивался тусклый, фосфоресцирующий свет. Или не свет - а тусклое, собственное свечение той самой биомассы, её неестественный, подземный отсвет.

- Семён? - тихо, почти беззвучно позвал Ян.

Скрежет на мгновение затих. Потом послышалось шуршание, словно к стене подтащили мешок с мокрым песком.

- Кто? - голос был густым, обволакивающим, будто звук проходил через слой тёплой грязи.

- Меня зовут Ян. Я из Торга.

- Торг - голос протяжно, слюняво обдумал слово. - Еда. В Торге есть еда?

- Да, есть. Расскажи мне о себе. Что ты помнишь?

Тишина. Только бульканье и тихий, непрекращающийся хруст изнутри, как будто кто-то жуёт гальку.

- Не помню. Было темно. Бело. Ярко. Слишком ярко. Резало глаза. И холодно на столе Нет, жарко. Голос из ниоткуда говорил говорил: «Показатели стабильны. Протокол «Утилизатор» вступает в фазу активной ассимиляции». Потом темнота. А в темноте - голод. Он был первым. Он и остался. Единственный.

Ян почувствовал, как по спине побежали ледяные мурашки. «Протокол «Утилизатор»». Так они это называли. Не эксперимент, не исследование. Инструктирование плоти.

- Что ты чувствуешь сейчас, Семён?

- Пустоту. Большую-большую пустоту внутри. Она жжёт. Она требует. Доски они пресные, но хрустят приятно. Железо острое, режет изнутри, но оно заполняет. Камни твёрдые. Но они затыкают дыру. На время. Потом снова пустота и жжение. Выпусти. Я найду подходящее. Мне нужно много, но я сам.

Голос сорвался на низкий, животный вой, который тут же сменился тихим, детским всхлипом. В этом звуке была последняя, тонущая тень человека. Заблудившегося в самом себе и ужасно, до костей напуганного.

- Дай мне руку, Семён, - тихо, но чётко сказал Ян, чувствуя, как собственное сердце колотится, как птица в ржавой клетке. - Через щель. Я не причиню тебе вреда. Я должен понять.

- Рука? - послышалось тупое недоумение. - Она она не всегда слушается. Она иногда сама ест.

Но через нижнюю щель, из которой выползали белесые, корневидные отростки, медленно, нерешительно показалась кисть. Она лишь отдалённо напоминала человеческую. Пальцы были деформированы, сращены перепонками из той же плотной, полупрозрачной ткани, похожей на сырую пергаментную бумагу. Кожа, вернее, её подобие, была горячей на вид и влажной, будто постоянно потной. Под ней шевелились, перекачивались твёрдые, неравномерные включения - осколки, камушки, непереваренные фрагменты чего-то, что когда-то было миром.

Ян глубоко вдохнул, пытаясь отключить разум, стать пустым сосудом, как делал это всегда. Он привык к боли, к отчаянию, к ярости - горячим, человеческим чувствам. Он не был готов к тому, что ждало его за гранью человеческого. К *метаболизму* как к форме существования.

Он прикоснулся кончиками пальцев к этой странной, пульсирующей теплоте.

Мир рухнул в ослепительный, выжигающий белый шум лабораторного света. Не света солнца или лампы, а света как приговора, стерильного и беспощадного, не оставляющего теней для укрытия. И в этом свете - всепоглощающее, абсолютное НИЧТО. Не сон, не забытьё - а растворение «Я». Ощущение себя колбой, пассивным сосудом, который лишь наблюдает, как через него бесконечно переливают боль. Боль как принцип, как сырьё. Бесконечный фонтан чистого, дикого нервного импульса, который что-то - система, алгоритм, холодный безликий разум за светом - ловит, перенаправляет, сплетает в новые, чудовищно чуждые нейронные пути. Это была попытка. Это была перепрошивка.

Страх был, да. Глубинный, парализующий ужас кролика, увидевшего скальпель ещё до прикосновения. Но его не слушали. Его фиксировали как «побочный аффект 7» и откладывали в цифровую папку, чтобы никогда не открывать.

А потом накрыло ГОЛОДОМ. Не желудочным, а клеточным, атомарным, экзистенциальным. Чудовищная, вселенская пустота, требующая быть заполненной материей. Любой. В этом голоде растворялась, перемалывалась и усваивалась память. Имя. Шепот любимого. Ужас. Осталось только два полюса бытия: Боль-как-топливо и Голод-как-единственная-цель.

Ян увидел - нет, пропустил через себя - как его собственное тело начинает перестраиваться. Кости становились пористыми, живыми губками, жаждущими минералов. Кишечник утрачивал специфичность, превращаясь в универсальный, жадный химический реактор, равнодушный к ядам или питательности. Каждая клетка кричала сиреной метаболического пожара, сжигая себя, чтобы тут же, с жадностью раковой опухоли, вырасти из того, что рядом. Дерево. Тряпка. Ржавчина. Плоть.

И сквозь этот бесконечный, однообразный кошмар - редкие, разорванные вспышки, последние угли гаснущего костра личности. Лицо женщины (мать? жена?), размытое, как под водой. Зелёное поле под ветром. Звонкий, беззаботный детский смех. Они пронеслись, как киноплёнка, пропущенная через огонь, и тут же пожарились все тем же ненасытным голодом, превращаясь в пустые, безвкусные калории забвения.

Самое ужасное было в отсутствии конца. Это не была смерть. Это было бессмертие наоборот. Человека не убили. Его перепроектировали. В вечный, страдающий, ненасытный двигатель по переработке мира в самого себя. В идеальный, безумный «Утилизатор».

Ян вырвался с тихим, сдавленным стоном. Он отпрянул от стены, падая на колени в холодную грязь. Его вырвало сухой, мучительной пустотой. Он дрожал мелкой, неконтролируемой дрожью, обхватив себя руками, с отчаянной силой впиваясь пальцами в бока, пытаясь нащупать границы собственного, нормального тела.

Из щели в стене донесся тихий, потерянный голос, в котором не осталось ничего, кроме животной, неосознанной тоски и того самого, вечного вопроса:

- Ты ты ушел?

Ян поднялся на ноги, пошатываясь. Его лицо было мокрым - от холодного пота, выступившего на лбу, и от слёз, которых он сам не заметил. Он подошёл к Макару, который стоял в отдалении, закрыв лицо натруженными, трясущимися руками, будто молился или пытался спрятаться.

- Что что это, сынок? - простонал старик, и в его голосе была детская, беспомощная растерянность. - Чем он болен?

- Это не болезнь, дед, - хрипло, с трудом выдавил из себя Ян, глядя на пульсирующий, словно живой, амбар. - Это инструкция. Которую забыли стереть. Он не заразен. Он просто бесконечен. Он будет есть. Сначала этот сарай. Потом ваши дома. Потом все, что попадет на пути. И будет страдать от голода вечно. Потому что эта пустота - теперь и есть он.

Что делать? в голосе Макара не было ни злобы, ни отваги, только усталая покорность судьбе.

Ян посмотрел на сарай. На ту тёмную щель, откуда всего минуту назад протянулась искалеченная, непонимающая, просящая о помощи рука. Он вспомнил прикосновение. Боль как сырьё. Голод как вечность. Лабораторный свет как приговор.

- Сжечь, - тихо, но с ледяной, бесповоротной чёткостью сказал он. - Сжечь дотла, пока это ещё можно сделать. И молиться всем богам, которые тут ещё водятся, чтобы там, внутри, еще оставалось что-то человеческое, что сможет наконец умереть.

Глава 3. Faen i helvete.

Комната дежурного у пульта охраны «Убежища Хирон» была лаконичной, большой, но пропитанной запахом палёной платы и страха. Мониторы, обычно показывавшие рутинные циклы жизни лаборатории, теперь застыли на ключевых кадрах кошмара. Ян, стоявший у стены, чувствовал даже сквозь экраны остаточное эхо того, что произошло: острый укол паники, леденящую пустоту и холодную, безэмоциональную решимость, которая не оставляла после себя ничего, кроме шрама на душе.

Ворон, облокотившись на пульт, сжимал край стола в своей узнаваемой напряженной позе. Его взгляд, жёсткий и непроницаемый, был прикован к фигурам, бесшумно двигавшимся по экрану. Мишин, седой инженер, молча курил самокрутку, и дым от нее стелился над клавиатурами, как дым после битвы.

Вадим, друг Яна, первым не выдержал гнетущей тишины. Он ткнул пальцем в нижний угол экрана, где светилась бирка хранилища.

- Подождите, - его голос прозвучал неестественно громко. - «Ковчег»? Они назвали хранилище «Ковчег»? Это же было название той самой базы «Неосинтеза».

Мишин, входящий в совет всех анклавов и знающий почти все в Новом мире, медленно выдохнул дым, не отрывая глаз от монитора, где фигура, похожая на мифического голема принимала на себя очередь из автомата.

- Хорошее слово, Вадим, не должно навечно достаться негодьям, - произнёс он спокойно, почти философски. - «Ковчег» «Неосинтеза» нес в себе семена вырождения. Наш «Ковчег» - банк биоматериалов, геномов редких растений, образцы здоровых тканей. Мы дали ему это имя, чтобы вычерпать из него яд и наполнить смыслом. Чтобы почтить память не палачей, а самой идеи спасения. Чтобы сохранить нужное во имя жизни. Просто теперь, - он кивнул на экран, где другая фигура бесшумно открывал двери, - похоже, наш ковчег кто-то решил захватить для своей новой, непонятной нам цели.

Ворон не отрываясь от экрана, прошипел что-то по-норвежски. Звучало как «*Faen i helvete*» — чертов ад. Ян это уже слышал. Ворон ткнул кнопку, и запись ожила вновь. Он хрипло прокашлялся.

- Хватит о словах. Смотрите. Учитесь. Это - наш новый противник. И они только что провели для нас первую лекцию. Без единого слова.

Он нажал кнопку, и запись пошла с начала. Тишину вновь разорвал чистый, хирургический звук режущегося металла. И три тени вошли в коридор.

Камера, коридор Бета. Фигуры не бегут. Идут ровным, неспешным шагом, как будто гуляют. Первый, в капюшоне, время от времени резко останавливается, и его спутники замирают вместе с ним.

Голос из репродуктора: «Несанкционированное проникновение! Остановитесь!»

Палец Ворона тыкает в левый экран камеры в караульном помещении. Четверо охранников готовятся к встрече.

Старший, Ринат, - сейчас он хмуро стоял в углу комнаты, скрестив руки на груди, - размашисто отдавал приказы на записи. Внезапно один из охранников, молодой парень, роняет автомат и хватается за голову. Второй охранник - начинает кричать, стреляя в потолок. Двое других охранников вдруг начинают метаться, один бьётся головой о стену, другой, рыдая, пытается спрятаться под столом. Только Ринат, стоящий чуть дальше у двери, смотрит на это с ужасом, но, кажется, ничего не слышит. Он кричит так, что динамик камеры начинает резонировать: «Что с вами? Встать! Это приказ!»

Но его люди не слышат. Они сражаются с невидимым противником.

- Контузия? Газы? - пробормотал Вадим, но без уверенности.

В основном коридоре, на подходе к хранилищу «Ковчег» двое техников открывают огонь. Они видят, как пули ударяют в грудь и плечи среднего грабителя - того, что без капюшона. Он лишь слегка вздрагивает от каждого удара, как от толчков в толпе. На его куртке появляются тёмные пятна, но он не падает. Не кричит. Не ускоряет шаг. Он просто идёт вперёд, принимая удар на себя, прикрывая остальных.

Техник бросается на него с монтировкой. Грабитель ловит его руку в воздухе. Наблюдатели ощутили холодный хруст сломанной кости. Техник корчится, а голем одной рукой, почти небрежно, отшвыривает его в сторону. Тело юноши со страшной силой летит через весь коридор и врежется в стойку с реагентами. Грохот. Вспышка.

Ринат, бросивший своих поломанных сотрудников, в одиночку догоняет троицу и стреляет почти в упор из обрезка.

Картечь бьёт одному из грабителей в спину. Тот, наконец, спотыкается, делает шаг вперёд. Оборачивается.

- Его лицо - тихо комментирует Ринат, - оно не выражало боли. Только недоумение! Будто... он наступил в лужу. Представляете, он покачал головой, развернулся и ушел вслед за своими!

Следующая камера у хранилища «Ковчег» поймала в фокус продолжавшие спокойно двигаться фигуры.

Тот, кто в капюшоне, прикладывает руку к сканеру. Панель загорается зелёным, хотя тревога активна и доступ должен быть заблокирован. Двери открываются. Они входят.

- Это невозможно, - голос Рината сорвался на фальцет. - Там тройная аутентификация! Отпечаток, тепловой рисунок, пульс!

- Он их все скопировал, - безжизненно ответил Ян. - Или заставил систему поверить, что скопировал.

Через две минуты выходят. У человека в капюшоне в руках - цилиндрический криоконтейнер, испускающий лёгкий пар. Третий, тот, что всё время шёл сзади и почти ничего не делал, оборачивается к камере. Кажется, он что-то говорит, но звука нет. Он машет рукой - почти дружески. И они уходят тем же путём.

Наблюдатели, как по команде, обернулись к Ринату.

- Когда пришла подмога, было уже поздно. Такого абсурда я еще не видел! Одни люди убиты с нечеловеческой эффективностью. Другие - в истерике или ступоре, не могут объяснить, что произошло. Напарник до сих пор твердит: «Он шептал он был в моей голове»

Итог: никто не понимает, никто не знает, кто это, как они это сделали и зачем. Как они прошли сквозь всё. Как один из них пережил выстрел в упор. Как они отключили защиту и системы. Это выглядело не как нападение. Это выглядело как демонстрация. Демонстрация того, что правила мира, его физика и логика, для кого-то больше не работают.

В отчёте будет написано: «Скоординированная атака высокопрофессиональной группы с неизвестным оборудованием». Но в сердцах у всех, кто это видел, поселится иная, леденящая мысль:

Это были не просто люди. И их цели - не просто воровство. Они пришли за чем-то другим.

- Так, - Ворон откинулся, проведя рукой по лицу. - Резюме. У нас есть трое. Первый - живой радар, который видит наперёд. Второй, голем, - ходячее отрицание законов механики и болевого порога. Третий - сеятель тихого безумия, который сводит с ума. И всё это без истерик, без криков, на холодном, ровном пульсе. Как отлаженный механизм.

- Инструмент. - Ян поправил, его голос звучал надтреснуто. - Их отточили для одной цели. Забрать то, что им нужно. И они даже не считают это сражением. Для них это техническое задание.

Мишин медленно затушил самокрутку, цинично раздавив её о стол.

- Значит, так. Наша реальность для них - набор устаревших правил. Наша психология - дырявый код. Наша физика - рекомендация, а не закон. - Он поднял взгляд, и в его мутных глазах вспыхнул холодный огонь. - Что ж. Раз так, то и мы будем играть не по правилам. Будем искать сбои в их программе. Всё, что можно создать, можно и сломать. Даже нового человека.

Фраза повисла в воздухе, тяжёлая и зловещая, как обет. Она была не утешением, а признанием новой войны - войны с теми, для кого они сами стали устаревшим биологическим мусором.

Торг, этот вечно кипящий котёл жизни, начал вдруг потихоньку выкипать. Не сразу - по капле. Сначала это даже не было потерей. Скорее - лёгким разрежением воздуха, едва уловимым изменением фонового гула.

Исчезновения начались с тех, кто не нужен. С пустот, которые и так были почти невидимы.

Первой ласточкой стал Калистрат, старый библиотекарь-самоучка, что ютился в развале книжного магазина. Он был чем-то вроде живого архива - помнил, у кого какая книга, кому какая схема нужна, знал наизусть половину уцелевших технических мануалов. Над ним слегка подтрунивали - «ходячая пыль». А потом просто перестали видеть. Подумали - ушёл к «Улье», к инженерам, те ценили его знания. Но в «Улье» только плечами пожали: «Не приходил». И всё. Тишина. Пустота на его месте быстро заросла, как лужица на утоптанной земле - новым ларьком, парой ящиков. О нём вспоминали лишь когда не могли найти нужный чертёж.

Еще была Машка, торговка самодельным табачком и сушёными травами. Её хриплое «Кури, голубок, от тоски!» было таким же фоном Торга, как скрип телег и запах жареной лепёшки. Она пустила корни у Северных ворот так глубоко, что казалось, прорастёт сквозь асфальт. А однажды утром её лоток стоял пустой, присыпанный ночным инеем. Сама Машка испарилась, будто её и не было. Сначала решили - попала в переделку на Болотах, где заготавливала свою «дурь-траву». Но следов не нашли. И в гуле Торга появилась едва слышная, но навязчивая осипшая тишина.

Потом ещё. И ещё. Не громкие, не важные. Отшельник-часовщик, чинивший старые механизмы за миску супа. Девчонка-сиротка, носильщица, что таскала тюки втридорога, но всегда с язвительной ухмылкой. «Текучка», - отмахивались бывалые. Мир не резиновый. Но узор начал проступать. Исчезали те, кто был наособицу. Чудаки, одиночки, те, чья полезность была странной, неочевидной, почти лишней в новой экономике выживания. Их уход был тихим, как выпадение зуба из расшатанной челюсти - вроде и не больно, но язык уже нащупывает дыру.

Слепая Анфиса пришла к Ворону не как просительница, а как бухгалтер, обнаруживший дисбаланс в идеально сведённых столбцах. Она вошла в кабинет без стука, её подошвы не издали ни звука на грубых половицах. Одетая в выцветшее платье, обвешанная самодельными безделушками, она казалась собирательным образом этого мира. Её глаза - пронзительные, серые, слишком зрячие для прозвища - обвели комнату, будто считывая данные с воздуха.

- Беспokoю,- её голос был ровным, без интонации, как у диктора, зачитывающего сводку погоды. - По поводу тишины.

Ворон, разбиравший пачку старых накладных, даже не взглянул.

- Анфиса, если ты опять про призраков в водокачке

- Не призраки. Пустоты, - она перебила с лёгкой, почти хищной уверенностью. - Люди, Ворон. Они уходят. Не умирают. Не сбегают. Уходят. Как вода в песок.

Она подошла к столу и положила перед ним деревянную дощечку с зарубками. Простую, детскую.

- Каждая черта - человек. Которого не стало за последние три месяца. Не нашли тела. Не было конфликта. Не взяли вещей. Просто перестали быть на Торге.

Ворон наконец поднял взгляд. В его глазах вспыхнула знакомая, быстрая ярость - реакция на всё, что угрожало хрупкому порядку его мира.

- Торг - не детский сад! Пришёл, ушёл! Кто-то к Болотам подался, кто-то в лесах сгинул! Ты мне тут какие-то сказки

- Калистрат, - холодно встала Анфиса. - Не ушёл бы без книг. Он с ними спал. Машка. Не бросила бы лоток - он был её ребёнком. Часовщик Ефим. Он боялся открытого пространства, как огня. Они не «ушли», Ворон. Их изъяли. Аккуратно. Без шума. Как вынимают испорченные детали из механизма, чтобы не тревожить остальные.

Она помолчала, давая словам осесть, как пыли после взрыва.

- Закономерность есть. Берут тех, кого не сразу хватаются. Кто не вписан в жёсткие схемы, но имеет уникальность. Странную. Ненужную. Как бракованный, но интересный винтик для коллекционера.

Ворон откинулся на стул. Гнев сменился тяжёлой, подозрительной думой. Он провёл рукой по лицу, будто стирая усталость.

- Ты к чему ведёшь, Анфиса? Что это? Новая секта? Охотники за редкостями?

- Не знаю, - честно ответила она, и в её голосе впервые прозвучала осторожная, ледяная тревога. - Но если из системы тихо исчезают детали - значит, где-то собирают новый механизм. И мне не нравится, какой он может быть формы. Особенно после твоих рассказов про «безымянных».

Ян узнал об этом вечером, на крыше, где он пытался «стряхнуть» с себя эмоциональную копоть дня. Ворон, хмурый и беспокойный, изложил суть, ворочая слова, как булыжники.

- Чёрт знает что, Ян. То у нас призраки в тоннелях, то люди испаряются. Мир с ума сходит потихоньку. Как думаешь, связано?

Ян долго молчал, глядя на огни Торга, которые теперь казались не кострами жизни, а дрожащими свечами в огромной, враждебной темноте. Его внутренний сейсмограф, притуплённый усталостью, подавал слабый, но назойливый сигнал - фоновая тревога, которую он списывал на общую паранойю после историй в «Гнезде». Теперь она обретала форму.

- Люди не исчезают вникуда, - тихо сказал он. - Особенно такие. Их или убирают, потому что мешают или забирают, потому что нужны. И если это «забирают» то куда? И зачем?

Он повернулся к Ворону, и в его глазах горел тот самый холодный, аналитический огонь, который так ценил норвежец.

- Ты заметил, Ворон? Мы всё время сталкиваемся со следствиями. «Сенсор», «безлицый», «голем» Это всё продукты. Кто-то их делает. Кто-то ставит на конвейер. А для конвейера нужны запчасти. Сырьё.

Он сделал паузу, и следующая фраза прозвучала как приговор:

- Что, если эти пропавшие - не жертвы? Что, если они - сырьё? Уникальный, «бракованный» человеческий материал, который кто-то собирает и перерабатывает. Словно кто-то просто нажимает шифт, и получает нечто новое. Сдвинутое от нормальности.

- Ты сейчас мне тут говоришь о фабрике мутантов?

Ворон выдохнул это понятие, родившееся в его голове прямо сейчас. Оно говорило не об уродстве, а о насильственном усовершенствовании. О боли, вживлённой в плоть. Об острых, чужеродных элементах, встроенных в человеческую суть.

Ян почувствовал, как по спине пробежал ледяной паук страха. Не страха перед силой, а перед безликой, бездушной логикой, которая рассматривает человека как набор функций, как глину для лепки.

- Я говорю о наследии ЭХО, - мрачно ответил Ян. - Только не официально. О том, что утекло в подполье. О чёрном рынке, где торговали не только органами и данными, но и апгрейдом. И теперь, когда нет государства, нет контроля - этот рынок вышел из тени. И он голоден. Ему нужны добровольцы или просто материал.

Тишина после слов Яна была густой, как мазут. Ворон молча встал, подошёл к окну, за которым теплился вечерний Торг.

– Шифты, – пробормотал он, пробуя на вкус это слово. – Сдвинутые.

Торг внизу гудел, жил, торговался, ссорился и мирился. Но теперь эта жизнь казалась тонкой плёнкой, натянутой над бездной. Где-то в закоулках, в забытых бункерах, в мозгах бывших инженеров отчаяния, работала новая, чудовищная машина. Она не хотела поработать души, как Медиатор. Она хотела разобрать человека на запчасти и собрать заново - без души, без страха, но с холодной, нечеловеческой эффективностью.

- Значит, у них есть доступ к архивам, Ворон. А в них - все, что угодно. Протоколы. Неоконченные, заброшенные, экспериментальные. Чертежи для чипов, которые не просто вживляются, а вырастают в нервную систему. Вирусные векторы для точечного изменения ДНК. И они могут использовать их не для лечения, а для внедрения новых функций. Алгоритмы нейростимуляции, способные не усилить, а переписать базовые инстинкты. У них, получается, не просто ресурс. У них есть инструкции и инструменты. А ты видел, Ворон, что они взяли в Ковчеге? Они взяли крио-образцы. Самые ценные. Не просто ткани. Целые отсеки с законсервированными субъектами. Из ранних, самых жутких опытов ЭХО. Тех, кого сочли неудачными и заморозили «до лучших времён». Кто знает, что в них проснётся после разморозки и «апгрейда».

Воздух в комнате стал ледяным. Картина складывалась в чудовищный пазл. Черный рынок эпохи ЭХО, словно спящий зверь, пробуждался. У него были технологии (украденные из Ковчеге), философия (превращение человека в инструмент) и безжалостная эффективность. Не хватало только «мастера» и потока «клиентов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.